
РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

У.С. Баймуратова

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка

Оренбургский государственный университет

Пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460000

В центре внимания исследователя находятся такие понятия, как *дискурс* и *религиозный дискурс*. В статье религиозный дискурс анализируется на материале романов И.С. Шмелева и В.А. Бахревского, рассматривается концепт «Бог» — один из ключевых концептов данного типа дискурса.

В современной лингвистике активно разрабатываются проблемы, связанные с когнитивным аспектом исследования языка. Одним из дискуссионных вопросов является определение дискурса, который понимается многими учеными по-разному. «Две стороны речи — процессуальная и материальная — послужили основанием для современных трактовок дискурса и создания для определения его содержания частных оппозиций *дискурс — текст* и *дискурс — речевая деятельность*» [5. С. 6]. Некоторые исследователи строят свои концепции на основе одного из этих понятий, упуская из вида второе, столь же существенное для понимания дискурса. Поэтому в качестве рабочего определения анализируемого нами понятия возьмем формулировку, предложенную Г.Н. Манаенко: «дискурс — это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [5. С. 11—12].

Социолингвистический анализ дискурса (текста в ситуации реального общения, по В.И. Карасику) учитывает сложившиеся в обществе институты, такие, например, как образование, медицинская помощь, армия, судопроизводство, политическая деятельность, коммерция, спорт. Этот ряд будет неполным без упоминания церкви — «религиозной организации духовенства и верующих, объединенной общностью верований и обрядности» [3. С. 266].

Если термин «дискурс» начал широко употребляться с начала 70-х годов прошлого столетия, то «религиозный дискурс» становится предметом исследований филологов со второй половины 90-х годов. Лингвистическому описанию данного типа дискурса посвящены работы Л.П. Крысина (1996), В.И. Карасика (1999), Н.Д. Арутюновой (2004), Е.Б. Казниной (2004). Однако отсутствие в современном языкознании классического определения дискурса, которое не вызывало бы в среде ученых споров, сказалось и на понятии «религиозный дискурс». Исследователи подходят к рассмотрению этого вопроса с двух сторон, трактуя

его либо как религиозный христианский текст, либо как совокупность актов религиозной коммуникации.

Религия, являясь одной из базовых составляющих социальной духовной культуры, концентрирует в себе глобальные понятия человечества, определяющие бытие как верующих, так и неверующих людей. Эти глобальные понятия хранятся в сакральных текстах (в первую очередь, в текстах Священного Писания) и постоянно реализуются в речи участников религиозного дискурса.

Текстовым центром христианского дискурса, отмечает в своем исследовании Е.Б. Казнина, являются дискурсы Нового и Ветхого Заветов, а также святоотеческий дискурс. Однако ученый не ограничивает христианский дискурс только собственно религиозными текстами. С позиции исследователя, данный тип дискурса «включает в себя всю совокупность идей, представленных как в тексте Библии, святоотеческой традиции и сочинениях христианских философов, так и в произведениях художественной литературы (вне зависимости от того, какова мировоззренческая позиция автора: атеистическая или религиозная), в фольклоре, отражающем наивную картину мира носителя определенной христианской конфессии, иными словами, всю человеческую жизнь, запечатленную в текстах» [2. С. 40].

Анализ жанрового состава религиозного дискурса с позиции особенностей функционирования текстов теодискурса в коммуникативном пространстве составляет цель одного из исследований А.С. Жулинской, в котором она, так же, как и Е.Б. Казнина, отмечает, что все религиозные тексты обладают двойственной природой: это голос Бога, который должен восприниматься душой, но это и человеческие книги, имеющие все текстовые характеристики и подчиняющиеся законам литературных жанров [1. С. 198—203].

Религиозный дискурс отражает религиозную картину мира, которая, в свою очередь, является частью общей картины мира. Художественная картина мира также использует элементы религиозного дискурса, формируя при этом духовный облик произведения. Поиск ключевого концепта религиозного дискурса, отраженного в лексической структуре художественных текстов, составляет цель настоящей статьи.

Актуальность такого поиска обусловлена необходимостью анализа специфики религиозного дискурса конца XIX — начала XX веков, особенностей словоупотребления и концептосферы.

Исследование лексических экспликаций макроконцепта «Бог», являющегося основополагающим не только в религиозном дискурсе, но и в произведениях авторов разных эпох, определяет научную новизну статьи.

Материалом исследования стали романы В.А. Бахревского «Святейший патриарх Тихон» и И.С. Шмелева «Лето Господне».

Один из центральных концептов в концептосфере православной культуры — «Бог». В связи с направленностью религиозного дискурса именно на этот объект последний постоянно развивается и не прекращает свое существование. При этом большим изменениям подвергается фоновая часть и ценностная со-

ставляющая концепта, тогда как ядерная часть остается, как правило, неизменной. Проследим, каково же содержание макроконцепта (термин Е.В. Сергеевой) «Бог» в произведениях Ивана Шмелева и Владислава Бахревского. При анализе семной структуры слов и семантического варьирования в текстах нельзя пользоваться только дефинициями современных толковых и специальных словарей: поскольку их авторы часто субъективно интерпретируют языковое значение, то семантика слова в полной мере проясняется только в контексте произведения (в пределах словосочетания, предложения или текстового фрагмента). Необходимо учитывать также, что в произведениях есть точки соприкосновения временных рамок, однако тексты создавались в разные эпохи.

Концепт «Бог» — наиболее значимый макроконцепт рассматриваемого дискурса, поэтому основная лексема, эксплицирующая этот концепт, — *Бог* — широко представлена в текстах И.С. Шмелева и В.А. Бахревского. В отличие от современного, во многом обедненного восприятия этого концепта, в религиозном дискурсе перед нами предстает сложная, иерархически построенная система значений, вербализованная большим количеством конкретных экспликаторов (прежде всего — лексемами *Бог*, *Господь*, *Создатель*, *Творец*, а также *Всевышний*, *Царь Небесный*).

Бог воспринимается писателями как источник жизни и создатель бытия; он промыслитель, воплощающий свой замысел о мире и одновременно всевидящий владыка этого мира:

— *У Господа все живет. Мертвый камень — и тот живой. А уж верба-то и подавно живая, ишь — цветет. Как же не радоваться-то, голубок!..* (Шмелев)(1);

— *Понятно, все воскреснет... у Бога-то! От Него все, и к Нему — все. Все и подымутся. Помнишь, летось у Троицы видали с тобой, на стене красками расписано... и рыбы страшные, и львы-тигры несут руки-ноги, кого поели-разорвали... все к Нему несут, к Господу, в одно место. Это мы не можем, оттяпал палец там — уж не приставишь. А Господь... Го-споди, да все может! Как земля кончится, небо тогда начнется, жизнь вечная. У Господа ничего не пропадает, обиды никому нет* (Шмелев);

— *Путешествия по-русски исстари так и назывались — хождения. Ты погляди вокруг! У Господа ни одного человека нет одинакового, ни дерева, ни травинки... На Божий мир наглядеться досыта человеку не дано* (Бахревский).

Лексическая экспликация концепта «Бог» представляет его в качестве начала и конца эволюции мира, ее смысла и основного содержания, надбытийного, но могущего воплощаться в созданном им бытии.

Бог — абсолютное, надбытийное, вечное, не познанное до конца человеком, источник истины и любви:

— *Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это наши, с нашего двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — Святое, Бог!* (Шмелев);

— Церковное учение, будет ли то краткое наставление **веры** или целая богословская система, есть самое важнейшее выражение **истинной жизни и истинных потребностей** нашего **духа**, стремящегося к **Богу** как **источнику истины и любви**. Богословские положения заключают в себе ответ на те великие вопросы **жизни и духа**, от решения которых мы не можем уклониться, не отказавшись предварительно от своей природы (Бахревский).

С одной стороны, Бог недоступен разуму как предмет познания, с другой стороны, Бог — предмет поиска и поклонения, который может быть воспринят индивидуально, объект религиозного познания с диалектически противоречивой сущностью, хотя является тайной и находится вне рациональных определений.

— *Пост, не смей! погоди, вот сломаешь ногу.*

*Мне делается страшно. Я смотрю на Распятые. Мучается, **Сын Божий!** А **Бог-то** как же... как же **Он** допустил?..*

*Чувствуется мне в этом великая тайна — **Бог** (Шмелев);*

*Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мрет в моих глазах, — и чудится мне, в цветах, — живое, неизъяснимо-радостное, святое... — **Бог?**.. Не передать словами (Шмелев).*

Важной составляющей содержания концепта «Бог» является то, что он объект любви человека и сам источник любви и всего положительного в бытии, воплощение истины и света столь полное, что эти лексемы сами могут служить экспликаторами концепта «Бог»:

— *Нет!* — сказал Василию Ивановичу Иосиф, благословляя в обратную дорогу. — *Нет!* Будь бодрым. Будь радостным. Помнишь, что говорил святитель Тихон: «Корень и начало **любви** к ближнему есть **любовь Божия**: кто **истинно** любит **Бога**, неизменно любит и ближнего». **Любовь** радостна. А у тебя в сердце так много любви, что ее на всех хватит (Бахревский).

В религиозном дискурсе прежде всего ощутима «сила слова», то, что в науке принято называть прагматической функцией речи, или функцией воздействия: подобно поэзии и музыке, язык религии призван воздействовать на эмоциональную сферу человека, в том числе «словами и выражениями, принадлежащими высокому стилю, нередко архаичными» [4. С. 136].

Интересно проследить в рассматриваемых текстах И. Шмелева и В. Бахревского, что есть *Слово Господне* и как оно выражается:

— *Таинственные слова, священны. Что-то в них...**Бог** будто? Нравится мне и «яко кадило пред **Тобою**», и «непщевати вины о **гресех**», — это я выучил в молитвах. И еще — «жертва вечерняя», будто мы ужинаем в **церкви**, и с нами **Бог**. И еще — радостные слова: «чаю Воскресения мертвых»!.. И еще нравится новое слово «целомудрие», — будто звон слышится? Другие это слова, не наши: **Божьи** слова (Шмелев);*

— *Сокровение **Господне** совершается, однако, волею людей, ибо одарены изначальным правом великого и страшного выбора — быть **Словом** и **Светом** или уклониться в прелесть и погибнуть для святого действия (Бахревский);*

— Сладко говорить со **Всевышним** сердцем, сладко слышать само слово «**Господи**». Маменька Анна Гавриловна говорит: «**Боженьку надо любить**»;

Васе хочется растопырить свое сердечко, обнимая землю, небо, батюшку, матушку, братьев, няню Пелагею, весь погост Клин, где они живут, — избы, **церковь**, людей.

— **Господи**, я люблю **Тебя!** (Бахревский);

— **Один грех с тобой**. Ну, какие филимоны... Их-фимоны! **Господне слово** от древних век. Стояние — покаяние со слезьми. Ско-рбе-ние... Стой и шопчи: **Боже**, очисти мя, грешного! **Господь** тебя и очистит. И в землю кланяйся. Потому, их-фимоны (Шмелев).

Таким образом, для религиозного дискурса слово сакрально, оно является воплощением божественного разума в человеке, воплощением идеи вселенной, мыслящей, сознающей самое себя [7. С. 15].

Органичность, «домашний» характер веры, привычность многих слов и выражений богослужбных книг приводили к их широкому распространению в речи и частичной десакрализации, то есть утрате первичного религиозного (сакрального) смысла. Сакральные по своему происхождению слова приобретали вполне мирские значения.

Особенно легко десакрализировались устойчивые сочетания, превращаясь в расхожие формулы русской обыденной речи. Например:

— **Слава Богу! Слава Богу!** Не расшиб, не опрокинул... — Иоанн Тимофеевич, все еще сидя в тарантасе, широко улыбнулся вышедшей из дому Анне Гавриловне: — Матушка! Блаженнейшая! Ты уж нас с Харитоном не ругай! По поводу угостились. Уж по такому поводу, что ты бы и сама нам поднесла по стопочке (Бахревский).

— А Батый? Батый сюда приходил? — спросил Павел.

— **Бог миловал**. Литва набегала, да и не только Литва. Торопец с 1115 года вошел в Смоленское княжество, а потом вместе со Смоленском в 1404 году был в рабстве у Литвы. Почти сто лет (Бахревский).

Вдруг сильно плеснуло. Лодка колыхнулась.

— **Господи!** Что это? — испугалась Анна Гавриловна.

— Будьте покойны, матушка! — улыбнулся отец Алексей. — Рыба гуляет (Бахревский).

— ... Вон, руки нет, а... сыт, обут, одет, **дай Бог каждому**. Тут плакать не годится, как же так?.. **Господь** на землю пришел, не годится (Шмелев).

Как видим, в устойчивых выражениях религиозное значение слова **Бог** часто не осознается или совсем утрачено: **Слава Богу** — 1) вводное слово, выражает удовлетворение, 2) благополучно, хорошо; **дай Бог каждому** — о чем-нибудь хорошем, желательном, **Господи!** — *межд.* Выражает удивление, восторг, негодование и другие чувства [6]. Это противоречило правилу «не поминать имени (имя) Господа (Бога) всуе» и, несомненно, способствовало затемнению или упрощению собственно сакрального смысла слова **Бог**.

Следует отметить, что с прописной буквы пишется не только концепт «Бог», но и его прямые номинанты, все лексемы, эксплицирующие этот концепт (*Творец, Всевышний, Господь*).

Бог бестелесен, нематериален. Но вместе с тем Он — Творец материального мира. Бог пребывает в духовном мире, но Он вездесущ, Он незримо присутствует и в материальном мире. Духовное и материальное в мире сосуществуют. В микроконтекстах, включающих лексемы, эксплицирующие концепт «Бог», часто используются слова, характеризующие *Господа* с разных сторон: *посетит, благословит, дожджок пошлет, простит, пожалел, награждает и наказывает, все сотворивший, из бездны света смотрел Всевышний*. Особенно показательным употреблением глаголов чувства, мысли, действия и речи, поскольку для самих авторов текстов Бог — активное и мыслящее существо.

Помимо существительных и глаголов, концепт «Бог» в трудах И. Шмелева и В. Бахревского эксплицируют прилагательные-дериваты лексемы Бог — *Божий* и *Божественный*: *божья благодать, для Божьего дела-с, Божья милость, Божественная истина, Сын Божий, Божий мир*.

Но наиболее важным для нас является рассмотрение оппозиции «земное» — «небесное». С одной стороны, «...*благодатная сила Божья сочетается с подвигом человеческого духа*» (Бахревский), а также «... *Христос неопишем, ибо неизобразимо одно из двух естеств Его, а эти два естества, божественное и человеческое, составляют одну неразделимую ипостась*» (Бахревский), однако, помимо стремления увидеть одно неделимое целое в этих понятиях, происходит и их разграничение: «... Я бы предложил юным слушателям диспут о любви, — деловым тоном сказал инспектор Антоний. — О любви Господней и о любви человеческой» (Бахревский); с другой стороны, «*видели в Божественном одно человеческое, но в человеческом достигали совершенства*» (Бахревский), таким образом, одновременно человек осознает и свою природную основу.

Чрезвычайно важным в тексте В. Бахревского является лексема *Богочеловек*, поскольку это однословное наименование (хотя и сложной структуры) называет также одну из основных проблем религии — взаимосвязь Бога и человека:

— ...*Для Иоанна Грамматика и прочих изображение Сына Божьего — идол заблуждения. Этот вывод вытекает будто бы из признания Богочеловека за одну ипостась в двух нераздельных и неслиянных естествах... Для Иоанна Грамматика единение в Иисусе Христе естеств превышает человеческую мысль и недоступно для понимания. Как Господь Бог — Христос абсолютен, а как человек — относителен. Он — вечен и одновременно тленен, бестелесен и обладает телесностью, несотворен и в то же время Его тварность бесспорна* (Бахревский).

Таким образом, одним из определяющих для религиозного дискурса является макроконцепт «Бог», ассоциативно-семантическое поле которого соотнесено и взаимопересекается с другим макроконцептом религиозного дискурса «Человек». Специфика лексической экспликации концепта «Бог» состоит, прежде все-

го, в том, что он вербализован не только лексемами, характерными для номинации концепта в русском литературном языке, но и лексемами, эксплицирующими его в собственно религиозном дискурсе.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Текст здесь и далее цитируется по: *Шмелев И.С.* *Лето Господне: Автобиограф. Повесть.* — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997; *Бахревский В.А.* *Святейший патриарх Тихон: Роман.* — М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Жулинская А.С.* Жанровое пространство религиозных текстов // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. — Серия «Филология». — 2005. — Т. 18 (57).
- [2] *Казнина Е.Б.* Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
- [3] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2004.
- [4] *Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского языка // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур.* — М., 1996.
- [5] *Манаенко Г.Н.* Текст, речевая деятельность, дискурс // *Языковая система — текст — дискурс: Категории и аспекты исследования: Материалы Всероссийской научной конференции, 18—19 сентября 2003 г.* — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003.
- [6] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1997.
- [7] *Сергеева Е.В.* Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002.

RELIGIOUS DISCOURSE IN THE LITERARY TEXT AS A LINGUISTIC PROBLEM

U. S. Baymuratova

Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian
Philological Faculty
Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, Russia, 460000

In the center of attention of the researcher there are such concepts, as a discourse and a religious discourse. The article searches a religious discourse in the literary text, concept «The God» — one of the main concept of the given type of a discourse is defined and analyzed on wurks of I.S. Shmelev and V.A. Bakhrevskiy.